

RU

Создание и существование социальных мифов в литературе: Н. А. Добролюбов в восприятии М. О. Меншикова

Крижановский Н. И.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности восприятия М. О. Меншиковым личности и творчества Н. А. Добролюбова в контексте проблемы социального мифа. Цель исследования – выявить специфику создания и существования социального мифа о Н. А. Добролюбове в связи с выраженным в статье М. О. Меншикова «Путь таланта» пониманием его творчества. Научная новизна состоит в том, что впервые в работе хронологически рассмотрено отношение русского критика и журналиста М. О. Меншикова к Н. А. Добролюбову в тесной связи с проблемой социального мифа. В результате установлено, во-первых, что на современном этапе развития литературоведения идет активное переосмысление устоявшихся мифологических подходов к пониманию личности и творчества критиков-реалистов, прежде всего Н. А. Добролюбова. Во-вторых, Меншиков в статье «Путь таланта», опираясь на ряд неубедительных аргументов, стремился по-своему переформатировать радикальный миф о Н. А. Добролюбове, утверждая, что критик имел «много точек прикосновения» с В. П. Бурениным и вслед за настоящими талантами (А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, В. П. Буренин и др.) должен был отказаться от протеста и радикализма. В-третьих, Меншиков вслед за Ф. М. Достоевским и Н. Н. Страховым обнаружил в работах Добролюбова о произведениях И. А. Гончарова и А. Н. Островского отсутствие знания реальной жизни, ложные обобщения и склонность к публицистике. В-четвертых, отход Меншикова от литературной критики и публицистичность его работ в 1900-1910-е гг. обусловили его неудачную попытку создать свой миф о Добролюбове.

EN

Creation and existence of social myths in literature: N. A. Dobrolyubov in the perception of M. O. Menshikov

N. I. Krizhanovsky

Abstract. The article examines the peculiarities of M. O. Menshikov's perception of the personality and creative work of N. A. Dobrolyubov in the context of the problem of social myth. The purpose of the study is to identify the specifics of the creation and existence of a social myth about N. A. Dobrolyubov in connection with the understanding of his work expressed in M. O. Menshikov's article "The Path of Talent". The study is novel in that it is the first one to chronologically consider the relation of the Russian critic and journalist M. O. Menshikov to N. A. Dobrolyubov in close connection with the problem of social myth. As a result, it has been established, firstly, that at the present stage of the development of literary criticism, there is an active rethinking of established mythological approaches to understanding the personality and work of realist critics, and above all N. A. Dobrolyubov. Secondly, in the article "The Path of Talent", Menshikov, relying on a number of unconvincing arguments, sought to reformat the radical myth of N. A. Dobrolyubov in his own way, arguing that the critic had "many points of contact" with V. P. Burenin and, following the real talents (A. S. Pushkin, F. M. Dostoevsky, V. P. Burenin et al.), had to abandon protest and radicalism. Thirdly, Menshikov, following F. M. Dostoevsky and N. N. Strakhov, discovered in Dobrolyubov's works on the writings of I. A. Goncharov and A. N. Ostrovsky a lack of knowledge of real life, false generalizations and a penchant for journalism. Fourthly, Menshikov's departure from literary criticism and the journalistic nature of his work in the 1900s and 1910s led to his unsuccessful attempt to create his own myth about Dobrolyubov.

Введение

На современном этапе развития науки наблюдаются глубокий интерес к проблеме социального мифа в области литературоведения и критики, а также заметно обостренное восприятие столкновения либерального

и традиционного начал при осмыслении явлений литературного процесса XIX–XX вв. В связи с этим актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью анализа сложившегося мифа о реалистической критике Н. А. Добролюбова в контексте статьи М. О. Меньшикова «Путь таланта», что позволит дать характеристику этой работе и уточнить представление о характере критического творчества ее автора.

Поставленная цель исследования обусловила выделение ряда задач:

- 1) выявить основные тенденции восприятия творчества Н. А. Добролюбова на современном этапе развития науки в связи с актуальной проблемой социальных мифов;
- 2) определить сущность отношения М. О. Меньшикова к леволиберальным мифам и к творчеству Н. А. Добролюбова;
- 3) соотнести меньшиковские оценки творчества Н. А. Добролюбова с различными подходами к пониманию его творчества;
- 4) охарактеризовать специфику критического подхода М. О. Меньшикова к творчеству Н. А. Добролюбова в статье «Путь таланта».

Ключевыми методами нашего исследования являются, во-первых, метод целостного анализа критического текста, благодаря которому статьи М. О. Меньшикова и иные работы рассматриваются в единстве проблематики и стиля; во-вторых, сравнительно-исторический, который позволил нам сопоставить подход к творчеству Добролюбова разных авторов; в-третьих, историко-генетический метод, с помощью которого мы проявили эволюцию восприятия Меньшиковым Добролюбова, а также его творческое движение от доминирования литературной критики в 1890-е к публицистике в 1900–1910-е гг.

Материалом исследования послужили: статья М. О. Меньшикова «Путь таланта» и иные его работы, труды о Н. А. Добролюбове Н. Н. Страхова, Ф. М. Достоевского, современные исследования биографии и творчества Н. А. Добролюбова.

Теоретическую базу исследования составляют, во-первых, работы, посвященные осмыслению социальной мифологии (Барт, 2008; Вдовин, 2011; Гончарова, 2020; Зенкин, 2008); во-вторых, исследования специфики литературного мифа о радикальной критике второй половины XIX в. в целом и о творчестве Добролюбова в частности (Вдовин, 2017; Есаулов, 2017, Тихомиров, 2010).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты и выводы могут быть использованы в вузовских курсах истории русской критики, теории и истории литературно-публицистической деятельности, спецкурсах, посвященных литературно-критической мифологии и критической деятельности М. О. Меньшикова.

Обсуждение и результаты

Создание социальных мифов в литературном и окололитературном мире – часто встречающаяся практика XIX–XX вв. Миф в данном случае мы воспринимаем как «ложный, социально отчужденный, деформированный образ действительности» (Зенкин, 2008, с. 11). В отечественной литературе и критике на современном этапе их развития идет серьезное переосмысление ряда возведенных в абсолют мифов XIX–XX вв.

О необходимости «пересмотреть словно бы навсегда в гуманитарных науках сложившуюся иерархию» в связи с доминированием логики «левого мифа», утверждавшего «прогрессивность» тех сил, которые не принимали «православный строй Российской империи» и научно обосновывали «необходимость насильственного слома всех основ прежней жизни», связанной с русской национальной традицией, пишет И. А. Есаулов (2017, с. 13) в книге «Русская классика: новое понимание».

Созданием недостоверных представлений о литературных явлениях «грешила» радикальная критика и публицистика второй половины XIX века. Как справедливо отметила О. М. Гончарова, «в радикальной публицистике активно шло своеобразное конструирование “нужных”, “передовых” взглядов на историю», а литература стала «своеобразным “полем деятельности” и исторического конструирования для критиков-реалистов, именно ее переустройство заменяло чаемые социальные преобразования и историографические труды» (2020, с. 124). Так, в ходе очернения отечественной истории и ее части – истории литературы – было обогато державинское творчество, рассматривавшееся радикальными критиками (Г. Е. Благодетельным, А. И. Герценом, А. Н. Пыпиным и др.) в контексте «нигилистического антиисторизма» и «в самом негативном свете» (Гончарова, 2020, с. 124). Формированию русофобского мифа об эпохе XVIII века и о выдающемся русском поэте Г. Р. Державине противостояли Я. К. Грот, Н. Н. Страхов, Л. Н. Толстой и другие русские критики и писатели. Разные стороны мифотворчества о наследии Державина рассматривались в советское, а также в постсоветское время в трудах В. А. Западова (1980), А. Л. Зорина (1987), Г. Г. Елизаветиной (1993), В. А. Черкасова (2009), А. В. Вдовина (2011). Нигилисты-радикалы и продолжатели их дела, по мнению О. А. Гончаровой, «создали своеобразную мифологию XVIII в., и Державин как знаковый поэт своего времени, выражавший его заботы, эстетические пристрастия и смыслы, невольно оказался в зоне отрицания и нигилистического “антиисторизма”» (2021, с. 131–132).

Одним из самых распространенных нигилистических мифов в отечественной культуре второй половины XIX в. стал миф о прогрессивном значении и ведущей роли революционно-демократической критики. При поддержке левых журналов «Современник», «Отечественные записки», «Дело», «Русское богатство» и др. он на протяжении десятилетий воздействовал на умы молодых, продвигая революционно настроенных авторов на первое место в литературном процессе при сознательном умалчивании об авторах «правых». Борясь с этим мифом, В. В. Розанов в 1891 году опубликовал в газете «Московские ведомости» статью «Почему

мы отказываемся от “наследства 60-70-х годов”?» и разоблачил человеконенавистническую идеологию революционного движения. А в 1913, чтобы развеять атмосферу гробового молчания о правой литературной критике и общественного террора в отношении ее, написал книгу «Литературные изгнанники», а также ряд статей, посвященных подвергнутому либерально-революционной обструкции литераторам (Фатеев, 2015).

М. О. Меньшиков неоднократно сталкивался со сложившимися различными леволлиберальными мифами в области литературного творчества, противостоял им и стремился их если не разрушить, то хотя бы поколебать. Как журналист Меньшиков не мог не видеть, как создаются большие и малые ложные смыслы в жизни и литературе, поэтому он стремился в соответствии со своим нравственным чувством, со своей совестью (а совесть – одно из ключевых понятий его творчества (Трофимова, 2014)) противостоять им, разбивать образовавшиеся социальные мифы, искажавшие подлинную действительность. Так, в 1894 г. он написал статью «Художественная проповедь», преодолевая воздвигнутый левыми литераторами вокруг творчества Н. С. Лескова «частокол» молчания. А в следующем году критик выступил в защиту Л. Н. Толстого и с помощью работ «Дознание», «Литературное следствие» (1895) развенчал образовавшийся в 1892-1894 гг. в либеральных кругах миф, будто «яснопольский старец» во многом подражал опростившемуся «серпуховскому подвижнику» князю В. В. Вяземскому. Проявив глубокое почтение к консервативному критику Н. Н. Страхову, о котором либералы предпочитали не упоминать, Меньшиков, высоко оценив творческое наследие Николая Николаевича, после его кончины написал некролог «Памяти Н. Н. Страхова» (1896). В критической статье «Клевета обожаения» (1899) Меньшиков высказался против складывавшегося в конце XIX века декадентско-ницшеанского мифа о Пушкине. В статьях «Животное из животных» (1903), «Императорская сцена» (1908) Меньшиков развенчивал возвышенно-восторженное мифическое представление о декадентско-модернистском искусстве, якобы несущем новый взгляд на привычные явления. Выступил публицист и против идеи превосходства язычества над христианством, а также против языческого культа любви в публицистике В. В. Розанова («Das Ewigweibliche», «Поганое в паганизме», «О гробе и колыбели» (1902)). Публичное восхищение перед творчеством ультрамодного на рубеже веков творчества М. Горького Меньшиков отверг, показав в статьях «Красивый цинизм» (1900) и «Борьба миров» (1907) далекую от идеалов христианства нравственную сущность его произведений и пророчески предугадав трагические последствия широкого почитания «босячества» интеллигенцией в России. Критик восстал против желания либералов начала XX века присвоить наследие Н. В. Гоголя, аргументированно показав в статье «Он – не ваш!» (1909), что писатель был истинным «черносоптенцем»: любил всем сердцем Россию, был православным и поддерживал самодержавие. Развенчивал Меньшиков и левые мифы об истинных патриотах и талантливых редакторах и журналистах М. Н. Каткове («Памяти великого гражданина» (1912)) и А. С. Суворине («Кого хоронит Россия» (1912)). Написанными в 1914 г. статьями «Могильщикам России» и «Сеятели ветра» критик стремился разрушить елейный миф украинствующих русофобов о «невинном» страдальце от царской жестокости, коззаре Тарасе Шевченко.

Однако нельзя сказать, что все подобные выше названным литературно-критические мифы сотрудином «Недели», а затем и «Нового времени» были осознанно и аргументированно преодолены. Противостояние одному из них привело Меньшикова ни много ни мало к попытке формирования собственного мифа. Речь идет о понимании жизненного пути и творчества Н. А. Добролюбова в статье «Путь таланта» (1911). Однако сначала стоит сказать о том, как формировалось отношение Меньшикова к яркому представителю «прогрессивной» и революционно-демократической критики.

Восприятие Меньшиковым Добролюбова складывалось в юности под влиянием созданного Н. Г. Чернышевским с Н. А. Некрасовым и поддержанного радикалами мифа (Вдовин, 2017, с. 239-246), который впоследствии транслировали практически все советские и продолжают транслировать многие постсоветские учебные и академические издания. Согласно ему, 25-летний критик преждевременно ушел из жизни, став очередной жертвой «чудовищного деспотизма царского самодержавия» (История русской литературы XIX века, 1960, с. 6). А статьи Добролюбова – лучшие образцы анализа художественных произведений «Гончарова Тургенева, Островского, Достоевского, которые объяснили главные особенности этих талантов, значение их произведений в широкой историко-литературной перспективе» (Кулешов, 1978, с. 313).

Хронологию и особенности создания «добролюбовского мифа» подробно описал современный литературовед и критик А. В. Вдовин, показавший, как Чернышевский «вместе с Некрасовым объявил его (Добролюбова. – Н. К.) “главой литературы”, создавая культ рано ушедшего “гения”, соединяя в его образе новую жизнестроительную этику и демократический идеал общественного служения» (2017, с. 239).

В книге Вдовина «Добролюбов: разночинец между духом и плотью» проявлен механизм создания мифа Чернышевским и Некрасовым. По мнению автора, причиной посмертной «канонизации» критика стало «целенаправленное создание мученического ореола вокруг Добролюбова»: «Чернышевский подменял физическую причину смерти молодого критика моральной», утверждая, что «болезнь Добролюбова явилась вследствие безысходных нравственных страданий, испытываемых им во все время литературной деятельности» (Вдовин, 2017, с. 240). Автор книги приводит донесение агента Третьего отделения, побывавшего на похоронах Добролюбова и писавшего о том, что Чернышевский и Некрасов своими речами у гроба стремились в глазах публики сделать критика «жертвою правительственных распоряжений», выставляя его «как мученика, убитого нравственно» (Вдовин, 2017, с. 240).

Чернышевский стал воплощать свой замысел канонизировать младшего товарища сразу после его похорон: он стал собирать материалы для биографии Добролюбова, «первая подборка которых появилась в первом номере “Современника” за 1862 год» (Вдовин, 2017, с. 243). Публичное выступление Чернышевского с воспоминаниями о Добролюбове 2 марта 1862 года на вечере в пользу Литературного фонда было негативно

воспринято слушателями, поскольку он, «импровизируя на ходу, сбивчиво и невнятно больше часа убеждал слушателей, что Добролюбов был честным и высоконравственным человеком», ничего не говоря о его литературной деятельности (Вдовин, 2017, с. 244). Такому заявлению Чернышевского удивились многие, в том числе знакомый с особенностями биографии критика молодой либерал Боборыкин (Вдовин, 2017, с. 244). Вдовин (2017, с. 245-257) в своей книге пролил свет на скрытые Чернышевским, значимые и не всегда благоприятные особенности жизни критика, а также обнаружил, что романы «Что делать?», «Пролог» и неоконченная повесть «Алферьев» вобрали в себя приукрашенную и «зашифрованную биографию» рано умершего критика.

Созданию мифа о Добролюбове способствовали и «потребность в герое у разночинной молодежи» (Вдовин, 2017, с. 257), и «хорошо разработанный к тому времени романтический миф о гибели юноши-гения (Андрей Тургенев, Дмитрий Веневитинов, Николай Станкевич, Михаил Лермонтов)» (Вдовин, 2017, с. 257), и использованный в жизнеописании «сюжет о становлении борца», вбравший в себя «ряд черт житийного канона» (Вдовин, 2017, с. 257) с изображением самоотверженного героя. Миф строился Чернышевским на лживом рассказе о Добролюбове, о чем Вдовин выразился очень аккуратно: «Самой примечательной чертой в построении посмертной репутации Добролюбова стало существенное расхождение между фактами его биографии и их интерпретацией в мемуарных и публицистических текстах. Утверждение критика в качестве апостола демократического направления, мученика и человека безупречной нравственной чистоты потребовало “чистки” его биографии» (Вдовин, 2017, с. 259-260).

Продолжил мифотворчество Чернышевского Некрасов в стихотворении «Памяти Добролюбова» (1864). Довершили дело создания культовой фигуры для радикальной молодежи «небольшие демонстрации на могиле Добролюбова в десятилетнюю, двадцатилетнюю... годовщины смерти» (Вдовин, 2017, с. 260) и многие публикации о нем в левой печати. Вдовин как обстоятельный исследователь биографии Добролюбова проследил за тем, как этот культ подвергали сомнению в начале XX века, как он в период Советской власти существенно укрепился благодаря различным апологетам. Современный исследователь отмечает: «...“лепка” маски Добролюбова была произведена удивительно быстро и на редкость успешно. Приемы и средства, идеи и словесные формулы, удачно найденные и апробированные Некрасовым и Чернышевским в некрологических текстах, в 1870-1900-е гг. станут неотъемлемой частью мифологии радикальной интеллигенции» (Вдовин, 2011, с. 196).

В книге о Добролюбове Вдовин отмечает, что большинство статей, написанных критиком, «являлось, строго говоря, публицистикой и имело к собственно литературной критике косвенное отношение» (Вдовин, 2017, с. 239). Обстоятельные доказательства этого суждения содержатся в монографии В. В. Тихомирова «Русская литературная критика: теория, история, методология» (2010). В ней Добролюбову отведена целая глава – «Гуманистический пафос реальной критики Н. А. Добролюбова» (2010). Приведу несколько характерных цитат, в которых отразилось осмысление литературоведом особенностей критического творчества Добролюбова: «Публицистический и преимущественно социальный характер реальной критики Добролюбова не вызывает сомнений» (Тихомиров, 2010, с. 87); «Добролюбов... не различает правду факта действительного и правду художественную...» (Тихомиров, 2010, с. 193); «...отождествление правды жизни и правды творчества... предопределило бесспорную для критика возможность судить на основании художественных созданий о жизни общества и воспринимать вымышленных персонажей как реально существующих» (Тихомиров, 2010, с. 193); «Неприятие авторской идеи дает критику возможность по-своему интерпретировать содержание произведения, актуализировать его» (Тихомиров, 2010, с. 193); «Требованию служения “народной жизни” подчинен у Добролюбова анализ всего русского литературного процесса, по существу, лишенный историзма» (Тихомиров, 2010, с. 193-194); «...стремился воспользоваться любыми проявлениями неудовлетворенности жизнью, обнаруженными в поведении или высказываниях литературных персонажей, для того, чтобы подчеркнуть любые примеры общественного протеста» (Тихомиров, 2010, с. 197); «Сатиру XVIII века критик оценивает явно неисторично...» (Тихомиров, 2010, с. 198); «В полемике со сторонниками высокой художественности в литературе Добролюбов допускает явно некорректные по отношению к акту творчества программные заявления, разводя, по сути дела, правду жизни и художественность в произведении искусства...» (Тихомиров, 2010, с. 199-200); «...был общественным деятелем и использовал анализ художественной литературы для пропаганды своих идей» (Тихомиров, 2010, с. 200); «По Добролюбову, верность действительности, очевидно, не предполагает примирения с какими-либо сторонами “старинного быта”...» (Тихомиров, 2010, с. 206); «Если же идеи автора не устраивают критика, их можно по существу игнорировать...» (Тихомиров, 2010, с. 209); «...критик во имя утверждения близких ему идей допускает прямое искажение... содержания пьесы» (Тихомиров, 2010, с. 215); «Критик явно проигнорировал христианские истоки человековедения Достоевского, отличающиеся от близкого ему антропологизма» (Тихомиров, 2010, с. 221).

После таких убийственных характеристик Тихомиров почему-то не делает в своей работе главного – вывода. Скажем за него: Добролюбов был выдающимся околосредоточенным проповедником-публицистом, но слабым литературным критиком. Мысль же об огромном влиянии его критического наследия на литературный процесс второй половины XIX века – это сформированный его апологетами и сторонниками миф. О нем, то есть о крайне слабом воздействии творчества Добролюбова на литературный процесс, но сильном влиянии на общественное мнение, писал вскоре после смерти критика в 1862 году Н. Н. Страхов: «Статьи Добролюбова имели очень большое значение для читателей, но весьма малое для писателей. Литература развивалась помимо этой критики и не находила в ней отзыва и поддержки своим симпатиям, своим думам и стремлениям. Помимо этой критики являлись таланты, без ее ведома и участия развивались и приобретали значение» (Страхов, 1862, с. 53).

Вернемся к Меньшикову и проследим за особенностями его восприятия личности и творчества Добролюбова. Ранние дневниковые записи и некоторые статьи Меньшикова свидетельствуют о большом интересе

к «реальной» критике и преклонении будущего известного публициста перед творчеством В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева. Так, впервые фамилия Добролюбова появилась в дневниковых записях восемнадцатилетнего Меньшикова 22 октября 1877 г. в связи с интересом к работам Писарева, после чтения которых будущий критик пожелал купить собрания сочинений Белинского, Писарева, Добролюбова, Тургенева, Хомякова, Аксакова, Киреевского, Погодина и др. (Центральный государственный архив г. Москвы. Отдел хранения документов личных собраний Москвы, ф. 202, оп. 1, д. 2, л. 13 об. (в дальнейшем указываются только номер дела и листы)). Говоряще-противоречивый список фамилий свидетельствует о наличии у Меньшикова интереса и к революционной публицистике, и к русской славянофильской и консервативной мысли.

Повышенное внимание Меньшикова к критикам революционного направления постепенно привело к убежденности в величии этих авторов, прокладывавших, как ему представлялось, магистральный путь развития русской литературы. Так, 7 мая 1883 г. он записал в дневнике: «Если бы мне пришлось возвращаться в обществе Писаревых, Добролюбовых – не остался бы я такой ничтожностью, как теперь» (д. 13, л. 62). А через восемь дней он попытался обосновать причины упадка отечественной критики в 1870-е – начале 1880-х гг. тем, что «после Белинского, Добролюбова (которого я едва ли читал) и Писарева ничего уже не придумаешь, что бы не было ими высказано. И это-то обстоятельство, между прочим, заставляет обращаться к идеям регресса, как более оригинальным для нашего времени» (д. 13, л. 83). Чуть позже, в августе-сентябре этого же года, Меньшиков, вслед за Белинским размышляя о первенстве Гоголя в русской литературе («И Пушкин, и Лермонтов ничтожны перед Гоголем в отношении влияния на русский прогресс...» (д. 15, л. 57 об.)), указывал, что сам Белинский – это такая же, как и Гоголь, вершина русской словесности: «Один, по характеру – поэт, своим гением доводил общество до отвращения к самому себе (обществу), он рисовал карикатуры и заставлял смотреть в них, как в зеркало; общество отворачивалось от своей личности и... необходимо было указать обществу “что же делать”. Эта задача – не по плечу поэту – по плечу мыслителю – явился Белинский. От этих двух выражений главных двух потребностей века – анализа – идут целые поколения исследователей, идут две большие школы русской литературы. От Гоголя идут (не Лермонтов: “Герой нашего времени” – не сатира) – Островский, Тургенев, Писемский, Достоевский (отчасти), Гончаров (отчасти), Салтыков, – от Белинского – Добролюбов и Писарев, причем дальше критике идти уже решительно некуда: Писарев – логическая верхушка критической мысли, – все остальные критики могут повторять с этих пор только старое» (д. 15, л. 57 об.).

Апологетика и защита «реальной» критики – характерная черта творчества Меньшикова 1890-х гг. Он считал авторов этой школы гениальными, а русскую реальность – губительной для молодых гениев. Так, в его дневнике есть запись, как в день 25-летия гибели Писарева, 4 июля 1893 г., он пришел с венком на Волково кладбище к могиле публициста и увидел там несколько человек, которые быстро разошлись. Наблюдая за равнодушными и малознающими посетителями кладбища, критик стал размышлять о бренности человеческой судьбы: «Я сидел один перед могилами самых блестящих умов, самых пылких умов, самой высокой совести на Руси (рядом с памятником Писареву через дорожку были расположенные близко друг к другу надгробия Белинского и Добролюбова. – Н. К.). Какая судьба! Добролюбов умер 25 лет, Писарев 28. Случайность это или месть русской стихии, не признающей подобных, слишком несовместимых с нею натур. Кусок калия горит в воде и исчезает...» (д. 23, л. 59).

В июле 1893 г. в журнале «Книжки “Недели”» вышла статья Меньшикова «Критический декаданс» (в последующих изданиях она называлась – «Критическое декадентство»), в которой он, находясь во власти либеральных мифов, защищал представителей реальной критики от нападок А. Л. Волынского (настоящая фамилия Х. Л. Флексер). Этот неоднозначный критик «Северного вестника», как писал Меньшиков, был в восторге от декадентства и «одним взмахом пера похерил деятельность Белинского и его преемников» (1902, с. 243), а также утверждал, что представители реальной критики Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев были людьми буржуазного склада, с очень скудным запасом образования и «с ограниченным публицистическим дарованием», которого «могло хватить лишь на исторические и экономические компиляции» (1902, с. 245).

В написанной вскоре статье «О критике» (1893) Меньшиков подчеркивал огромную роль статей Добролюбова для привлечения интереса публики к произведениям Островского и Гончарова: «Талантливый критик не только спасает художественную вещь от невнимания публики, он вооружает ее новым интересом и удваивает ее цену» (Меньшиков, 2012, с. 275).

Меньшиков с течением времени стал чуть более трезво относиться к реальному направлению критики. В конце 1900 г. в опубликованном в «Неделе» некрологе А. К. Шеллеру он как обычно романтизировал деятелей 1860-х, в том числе и Добролюбова. По мысли критика, Шеллер в конце 1850-х – начале 1860-х гг. «вошел в самый передовой, самый кипучий жизнью кружок, кружок “Современника”, работал с Чернышевским, Добролюбовым, Писаревым, Благосветловым» (Меньшиков, 1900, стб. 1661). Здесь же Меньшиков указал, что главные черты деятелей 1860-х гг. – это не присущее им теоретическое «умствование» и «глубокомыслие», а человеческая доброта, искренность и «благородство сердца»: «И все эти прекрасные теоретики... отнимите у них благородство сердца, что останется? Ровно ничего, и даже что-то отрицательное, что-то нехорошее. Без пылкого одушевления добра (на самом деле мифического, как убедительно показал А. В. Вдовин. – Н. К.) их теории, как опавший пузырь, тотчас покажутся жалкой мертвечиной. Сколько бы блестящего остроумия, сколько бы глубокомыслия ни было потрачено на иные умствования, они уже следующему поколению кажутся придуманными иногда прямо нелепыми. Но что всегда всем нужно и вечно истинно, это то, чтобы под умными или нелепыми теориями (без них не обойтись) чувствовалось бы доброе, искреннее сердце. Оно – все, в нем одно спасение» (Меньшиков, 1900, стб. 1662).

Понятно, что со словосочетаниями «благородство сердца», «доброе, искреннее сердце» и «пылкое одушевление добра» Меньшиков связывал идеальные и возвышенные образы Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Писарева и др. как пламенных и жертвенных революционных борцов, бескорыстных страдальцев за «народные» идеалы. Эти образы вдохновляли Н. А. Некрасова (стихотворения «Памяти Белинского» (1853), «Памяти Добролюбова» (1864), «Не рыдай так безумно над ним...» (1868), «Пророк» (1874), поэма «Белинский» (1855)), Н. Г. Чернышевского («Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861-1862 годах» и др. работы). Они пропагандировались в произведениях и статьях многих других революционно настроенных писателей и публицистов второй половины XIX в.: И. И. Панаева, В. А. Зайцева, В. С. Курочкина, Н. В. Шелгунова, Д. Д. Минаева и прочих дореволюционных, советских, постсоветских авторов.

В статье «Путь таланта» публицист «Нового времени» Меньшиков решил «перепрограммировать» созданный революционерами миф о Добролюбова. Для этого он создал собственный миф, в котором критик «Современника» был наделен как лучшими чертами прежнего мифа (честность, жертвенность, благородство, большой талант), так и новыми.

Поводом для написания статьи стали два события: пятидесятилетие творческой деятельности В. П. Буренина и полвека, прошедшие со времени кончины Н. А. Добролюбова. Критик неожиданно объединил эти две даты, пояснив свою мысль так: «...и Добролюбов, и Буренин имеют много точек соприкосновения, позволяющих поставить их рядом» (Меньшиков, 1911, с. 863). Меньшиков их называет: они оба современники и «почти сверстники», великороссы, «из среднего класса общества» (Меньшиков, 1911, с. 863), оба начинали свою деятельность в революционных журналах и оба переживали «настроения острого протеста» (Меньшиков, 1911, с. 864).

Читатель, хотя бы немного знакомый с творчеством названных авторов, должен был понять, что перед ним провокационное заявление: они – как критики и публицисты – имели разные, даже противоположные идеалы. Однако Меньшиков находит аргументы для своей мысли.

Публицист «Нового времени» осознавал одиозность и даже своего рода «кошунственность» сопоставления Буренина и Добролюбова для радикально-революционных и либеральных общественных кругов: в их понимании Добролюбов – революционер «с головы до ног», «один из наиболее чтимых “святых”» в «этой своеобразной церкви» (Меньшиков, 1911, с. 863). Буренин же был признан радикальной «политической церковью» «чем-то вроде дьявола» и «закоренелым грешником» (Меньшиков, 1911, с. 863). Такое восприятие названных в статье критиков в 1911 г. было ироничным, хотя и пророчески-небезосновательным, поскольку «левая» печать задолго до революции 1917 года взяла за правило превозносить «своих» и уничтожать «правых» либо ядовитой критикой, либо приемом презрительного молчания. Но надо отдать должное предвидению Меньшикова: констатируя типичное для его эпохи отношение к Добролюбову, он вольно или невольно указал на то, что случится буквально через несколько лет после захвата власти большевиками: Буренин, как и все «правые» критики, писатели и публицисты, а также представители славянофильства, национально-патриотические, религиозные и иные деятели, не разорвавшие духовной связи с традиционной Россией и Православием (в том числе И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, Н. Н. Страхов, А. С. Суворин, Ю. Н. Говоруха-Отрок, М. О. Меньшиков, В. В. Розанов и др.), были преданы проклятию и забвению, стали «чем-то вроде дьявола», а Добролюбов (этот, как писал Н. А. Некрасов, рано угасший «светильник разума», который «в молодые годы умел рассудку страсти подчинять» (1981, с. 173)) и весь сонм революционно-демократических литературных деятелей (В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, Н. К. Михайловский и др.) действительно почитались в СССР почти святыми: их критические статьи заполнили советские школьные и вузовские учебники, их часто примитивное, оторванное от знания жизни и русских традиций кабинетное мнение о русской классике считалось непререкаемым и единственно верным. Конечно, это были святые второго-третьего ряда после Ленина – Маркса – Энгельса и прочих «светочей» революционного движения, Гражданской войны и партийной деятельности. Тем не менее в статье Меньшикова проявилось характерное для него умение предугадывать развитие событий, ход общественной мысли в той или иной области. Приведем несколько примеров. Еще в 1906 г. публицист видел, что революционная и военная опасность после 1905 г. Россию не миновала и предвещал приближение очередных великих войн и бунтов (Меньшиков, 1906). В 1912 предсказал, что война с немцами случится в 1914: «Многие мои предчувствия исполнились с поразительной точностью (даже год войны – 1914 – был предсказан в августе 1912 г.)» (Российский Архив, 1993, с. 83). Целый ряд его предсказаний касался технических новшеств, о чем мы уже писали (Крижановский, 2022).

Доказывая наличие «точек соприкосновения» Добролюбова и Буренина, Меньшиков в своей статье поставил вопрос: «...точно ли Добролюбов был реакционер? Точно ли он был нигилист и отрицатель?» (Меньшиков, 1911, с. 864). По мнению публициста, основное «настроение Добролюбова было вовсе не революционное, а только *молодое* (курсив. – М. М.)», в соответствии с возрастом и «в стиле эпохи» (Меньшиков, 1911, с. 864). Публицист на примерах Пушкина, Лермонтова, Буренина, Достоевского, Каткова в статье «Путь таланта» указывал, что в молодости многим свойственно «переживать настроения острого протеста» (Меньшиков, 1911, с. 864). Для Меньшикова биография названных литераторов свидетельствовала: увлечение протестом «у талантливых и умных людей... проходит довольно скоро» (1911, с. 864). Залогом этому, по мнению публициста, служат время, ум и талант: «Достоевский стоял на эшафоте по политическому делу, но в зрелом возрасте явился беспощаднейшим разоблачителем революционного беснования» (Меньшиков, 1911, с. 864). Талантливому и честному Добролюбову, как считал Меньшиков, не хватило времени: смерть не позволила ему «изменить свое политическое настроение» (Меньшиков, 1911, с. 864). В свою очередь бездарные литераторы «не меняются, а только изнашиваются» (Меньшиков, 1911, с. 864).

Приведенные выше размышления содержат две значимые для Меньшикова и постоянные в его творчестве темы. Первая – размышление о феномене таланта. Критик еще в юности, с первых записей в дневнике (Крижановский, Санкова, Алехина и др., 2022, с. 12-13) и до последних своих работ стремился ответить на вопросы: что такое талант? Есть ли он у него? Как проявляется одаренность? Какой путь должен пройти одаренный Богом человек? Назовем лишь несколько статей, затрагивавших тему одаренности, таланта, гениальности: «О таланте и честности» (1892), «Старые и молодые таланты» (1894), «Оскорбленный гений. (По поводу 100-летия со дня рождения А. С. Грибоедова)» (1895), «Талант и долголетие» (1902), «Забытый гений» (1908), «Гений счастья» (1909), «Тиранья таланта» (1911), «Что роняет талант» (1913), «Подбор талантов» (1916).

Вторая тема – утверждение неизбежного прихода подлинного художественного таланта к консерватизму. В ранней статье «Две правды» (1893) Меньшиков писал, что настоящий талантливый художник – всегда консерватор: «Почти все наши великие и даже просто талантливые художники слова были консерваторами» (2012, с. 385). В этой работе, посвященной творчеству Я. П. Полонского, особое внимание критик уделил творчеству Пушкина и Лермонтова, поскольку они «кровью своей... засвидетельствовали свою беззаветную преданность консерватизму» (2012, с. 386). Главным воплощением художника, пошедшего по консервативному пути, был именно А. С. Пушкин. По мнению Меньшикова, «Пушкин – живи он до наших дней – явился бы искренним противником либеральных движений» (2012, с. 387). Через одиннадцать лет, уже работая в «Новом времени», критик в статье «Библейский титул г. Михайловского» (1904) так сформулировал свое видение развития мировоззрения человека, в том числе и Пушкина: «Естественная перемена убеждений вместе с возрастом и накоплением опыта есть черта искренности...» (Меньшиков, 2021, с. 39). И напротив, не меняют своих убеждений, «держатся всю жизнь за одну и ту же мелодию лишь “наivistанские снигири” вроде Михайловского, люди без творчества. <...> Окаменеть в одной идее несравненно легче, чем переживать драму поисков и заблуждений» (Меньшиков, 2021, с. 39). Образ «наivistанского снигиря» через семь лет в статье «Путь таланта» был заменен Меньшиковым на более механический: у бесталанных писателей «душа представляет граммофонную (так в оригинале. – Н. К.) пластинку, напетую чужими внушениями» (1911, с. 864).

По убеждению критика, «естественная перемена убеждений» могла произойти и в судьбе талантливого Добролюбова, если бы его жизнь не оборвалась: «...мне кажется, и у Добролюбова, и у Писарева... полоса радикализма вместе с зрелыми годами прошла бы» (Меньшиков, 1911, с. 864). Доказывая эту мысль, Меньшиков отмечал, что «даже некоторые великие писатели отдают... дань этой болезни возраста» (1911, с. 864): и Пушкин, и Лермонтов, и Достоевский преодолели соблазн радикализма, а последний в зрелом возрасте «явился беспощаднейшим разоблачителем революционного беснования» (1911, с. 864). Среди критиков и публицистов, переживших подобную эволюцию, Меньшиков назвал В. Г. Белинского (?! – Н. К.) и М. Н. Каткова. Публицист считал, что «не только ум и талант, но и удивительная честность натуры Добролюбова непременно вывели бы его на путь правдивой критики, отрицательной в отношении всякой лжи» (Меньшиков, 1911, с. 864). Анализируя первый том добролюбовского собрания сочинений, Н. Н. Страхов еще в 1862 г. отметил, что критик – «человек очень даровитый и очевидно способный к далекому развитию» (1862, с. 54.). Залогом этого развития виделась ему последняя статья критика, которая указывала «на какое-то колебание, на какой-то поворот в его убеждениях. <...> Если бы он остался жив, мы многое бы от него услышали» (Страхов, 1862, с. 54).

Характеристики, которые Меньшиков дал Добролюбову в статье «Путь таланта», в большинстве своем субъективно-положительны и призваны подтвердить возможность прихода автора «Темного царства» к консервативному идеалу: «ум и талант», «удивительная честность натуры Добролюбова» – «путь правдивой критики» (1911, с. 864); «...он уже видел всю фальшь и лицемерие той партии, которая тогда называла себя либеральной» (1911, с. 864); «...начинал выступать... против либеральной лжи..., начинал поднимать против себя бурю фарисейского негодования “передовых” кружков, и может быть только смерть спасла его от дельнейшего расхождения с радикалами и от их анафемы» (1911, с. 864). Никаких прямых доказательств своей мысли Меньшиков не приводил, но обратился к суждениям о Добролюбове двух либералов – А. Н. Пыпина (статья в «Русском биографическом словаре» (1905)) и С. А. Венгерова (статья в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (1893)).

В работе Пыпина критика привлекло указание на то, что Добролюбов был противником «тенденциозного искусства и высоко ценил именно те произведения, которые созданы были свободным художественным творчеством» (Меньшиков, 1911, с. 864), а также «недоверчиво относился к... восторженной декламации» (Меньшиков, 1911, с. 865), «не мог выносить фальшивых нот лицемерия, глупых восторгов, наивного пустословия, неумения понять настоящего положения вещей» (Меньшиков, 1911, с. 865). Из последних черт «вырастал его раздражительность», а проявлявшееся в «Свистке» «остроумие все больше принимало тон насмешки» (Меньшиков, 1911, с. 865). Указание на объекты насмешек Добролюбова Меньшиков обнаружил в статье Венгерова: «добролюбовская “свистопляска” почти вся не только не направлена против “авторитетов”, а напротив того, иронизирует над людьми почти “своими”» (1911, с. 865); «...в подавляющем количестве случаев “Свисток” смеется над Бенедиктовым, Розенгеймом, Кокоревым, Львовым..., которые протрубили все уши, вопия о правде, гласности, взятках, свободе торговли, вреде откупов, гнусности угнетения» (1911, с. 865).

Отталкиваясь от этих характеристик и не подвергая анализу приведенные отклики, Меньшиков проводил параллель между судьбой Добролюбова и судьбами переживших духовное преображение и отказавшихся от либерально-революционных идей Пушкина, Достоевского, Буренина: «...может быть, только смерть спасла умного и честного Добролюбова от полного разрыва с современной ему радикальной дрянью и от беспощадного преследования его со стороны этой дряни» (1911, с. 865). А ранняя смерть не позволила критику журнала «Современник» дожить до «эпохи душегубов вроде Нечаева и Каракозова, до эпохи коммун с “восьмиспальными кроватями”, до эпохи еврейского наплыва в журналистику» (Меньшиков, 1911, с. 865), когда «в силу искренности и бесстрашия,

свойственных таланту, он объявил бы жестокую войну им» (Меньшиков, 1911, с. 865). Это предположение публициста легко ставится под сомнение, если вспомнить, что поступки названных душегубов никак не повлияли на революционную агитацию в творчестве Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и других левых.

Нам представляется, что Меньшиков не сумел определить подтекст, внутренний посыл суждений Пыпина и Венгерова о Добролюбове. Двоюродный брат Н. Г. Чернышевского, Пыпин, как и Венгеров, всегда был близок к либерально и даже революционно настроенным общественным кругам. Несомненно, эти литераторы, ставили задачу показать Добролюбова максимально не связанным с революционными идеями, чтобы творчество рано умершего радикального критика продолжало воздействовать на новые поколения. Меньшиков цитирует достаточно длинный пассаж Венгерова: «Перебирая... длинный ряд литературных репутаций, нашедших могучую поддержку в авторитетном слове Добролюбова, с недоумением спрашиваешь себя: почему же Добролюбов “отрицатель”? Неужели только потому, что общий смысл его творчества есть протест против бесправия и отрицание темных сил нашей жизни, не дававших наступить “настоящему дню”?» (Меньшиков, 1911, с. 865). Далее публицист «Нового времени» развивал мысль Венгерова, утверждая, что как критик Добролюбов «не выдвинул ни одного радикального беллетриста» (Меньшиков, 1911, с. 865), «резко разошелся» с либералами, «даже с Тургеневым», «создал славу Гончарова, Островского и отчасти Достоевского... писателей консервативного направления». Однако все эти три посыла Меньшикова легко опровергаются. Так, Добролюбов поддержал беллетристику сторонника революционной идеологии Марко Вовчка (псевдоним М. Маркович), до конца жизни не собиравшийся «расходиться» ни с Некрасовым, ни с Чернышевским и реально мог повлиять своими статьями лишь на известность Гончарова, поскольку и Островский, и Достоевский написали большинство своих выдающихся произведений уже после смерти критика.

В статье «Путь таланта» Меньшиков не ставил себе задачи охарактеризовать наиболее известные работы критика, хотя ему удалось очень верно подметить отсутствие в них правды жизни: «Через пятьдесят лет чувствуется, что и “темное царство”, и “обломовщина” были не столько правдой тогдашней жизни, сколько исканием ее» (1911, с. 866). Как бы предвывая выводы исследователей XXI века, Меньшиков мимоходом отметил: «Добролюбов склонялся к чисто политической критике – к публицистике» (1911, с. 867). Кроме того, публицист «Нового времени» выступил против высказанного в статьях Добролюбова несправедливого «отрицательного» восприятия действительности: «Неужели в крепостную эпоху все помещики были Обломовыми, а все купцы – сумасшедшими самодурами? Но ведь тогда не могли бы держаться ни государственная... администрация... ни даже торговля. Юноша Добролюбов, видимо, мало знал жизнь. Он больше читал, чем знал. Он не распознал великого разнообразия жизни и вечной борьбы добра и зла. И Обломовы, и Тит Титычи были, конечно, довольно распространенными типами, но *обобщать* (курсив М. О. Меньшикова. – Н. К.) по ним всю русскую действительность никак не следовало» (Меньшиков, 1911, с. 866). Так по-своему Меньшиков повторил выраженную Ф. М. Достоевским еще в 1861 г. мысль о том, что статьи Добролюбова «отличаются одним важным недостатком – кабинетностью», а сам он «мечтатель и во многих случаях плохо знает действительность» (1978, с. 81). В 1862 году Н. Н. Страхов, определяя сущность таланта Добролюбова, также указал на доминирование в его творчестве стремления «теоретически рассматривать предметы», выражать не связанную с настоящей жизнью «отвлеченную мысль» (1862, с. 44).

О широком распространении в России подобного добролюбовскому модного теоретически-примитивного и нигилистического подхода к пониманию жизни Страхов писал и в 1870 г.: «Представьте себе картину тогдашней России так, как изображают ее нынешние историки, столь беспристрастные и проникательные. Всюду – зло и мерзость; помещики – изверги, крестьяне – стада диких животных; господство грубой силы, разврата, азиатского абсолютизма. <...> Представьте себе <...>, что было бы, если бы русская история находилась в некоторой власти г. Пыпина, г. Стасюлевича и им подобных историков. <...>. Тогда прощай все то, чем мы любуемся и гордимся; ибо гордость и любовование должны быть уничтожены в наших сердцах как вещи вредные. Тогда Пушкина не было бы, Карамзина не было бы; вместо Державина при Екатерине явился бы г. Некрасов и обличал бы тогдашним языком тогдашний Невский проспект» (Страхов, 2006, с. 382, 388).

Меньшиков, завершая размышления о Добролюбове и Буренине в статье «Путь таланта», сокрушался о незавидной судьбе критиков: «...мне часто думается, плохая это профессия. Иметь блестящий талант и живое сердце и быть обязанным весь век свой рассуждать о бездарных и бесчувственных писателях, которых большинство – какая это тоска!» (1911, с. 867). По его мнению, вся энергия, которая тратится на борьбу с бездарными творцами, могла бы найти и более благородное приложение, а талантливые критики всю свою жизнь должны писать «только о великих писателях» или вовсе не писать (Меньшиков, 1911, с. 867).

Какова же цель статьи «Путь таланта»? Меньшиков стремится в ней доказать, что талантливый и рано ушедший из жизни Добролюбов вовсе не был революционером и радикалом. А его статьи – лишь проявление юношеского задора. У нововременского публициста было большое желание «вырвать» из пропагандистского круга «святых» революционного лагеря и в итоге «перетянуть» Добролюбова «вправо». Однако умозаключения Меньшикова о Добролюбове не были основаны на анализе конкретных статей критика и не содержали попытки осмыслить эволюцию его творчества. Они опирались только на интуицию, принцип параллелизма и аргументы либеральных защитников Добролюбова. Меньшиков игнорировал в Добролюбове главное – неизменное неприятие ценностей русской церкви, отсутствие любви к русской истории, непонимание отечественных духовных традиций. Кроме того, поддержанный им тезис Венгерова – Добролюбов сатирически критиковал либеральных авторов, а значит он был «правым» – несостоятелен. Доказательством этому служит творчество критика 1850-х – 1860-х гг., в котором уровень левого радикализма постоянно и неуклонно рос. Тем не менее в статье «Путь таланта», значительная часть которой своей критически слаба, бездоказательна

и публицистична, Меньшикову удалось выразить некоторые верные замечания о творчестве Добролюбова: критику не хватало знания жизни, поэтому его отрицание русского бытия, его критика «темного царства» и «обломовщины» были поверхностны.

На протяжении всего творчества Меньшикова можно отметить тенденцию, которая отчетливо проявилась и в анализируемой нами работе: с течением времени он постепенно уходил от критики и погружался в публицистику. Если в 1890-е его ведущие работы – анализ творчества Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Н. С. Лескова, А. К. Толстого, Д. С. Мережковского и др., то в 1900-1910-е гг. публицистика доминирует, отодвигая критику на второй план. В статье «Путь таланта» перед нами не Меньшиков-критик, а Меньшиков-публицист, который, отвергая либеральный миф о Добролюбове, дал неверную трактовку творчества критика и тем самым создал свой журналистский миф, подкрепляя его слабой аргументацией, но интересными наблюдениями о работах рано умершего автора «Современника». Одновременно с этим в статье «Путь таланта» Меньшиков преодолевал табу, наложенное либеральной печатью на талантливого и до сих пор мало знакомого читателю русского критика и публициста В. П. Буренина, говорить о котором или чествовать в печати 50-летний юбилей творческой деятельности, по мнению либеральной печати, было недопустимо.

Боровшийся с мифами критик «Недели» и «Нового времени» М. О. Меньшиков, как и В. В. Розанов, еще при жизни сам находился под давлением созданного революционерами и либералами мифа, сущность и воздействие которого на публициста обрисовал в своих мемуарах великий князь Александр Михайлович: «Меньшиков всю свою жизнь прожил в полнейшей изоляции, подобно прокаженному, поносимый всеми современными авторитетами и избегаемый сотрудниками его же газеты “Новое Время”. Имя этого величайшего русского журналиста являлось символом всего самого низкого, подлого и презренного. Тирания самочинных цензоров русского общественного мнения была настолько сильна, что на сорокалетний юбилей писательской деятельности Меньшикова ни один писатель не решился послать ему поздравительной телеграммы, из боязни, что этот его поступок сделается известным публике» (Великий князь Александр Михайлович, 1991, с. 164).

Стоит отметить, что в целом для конца XIX – начала XX в. характерна тема противостояния правых доминировавшему в общественном сознании либеральному социальному мифу и Меньшиков своей статьей «Путь таланта» в меру сил попытался продолжить то, что делали А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, М. Н. Катков, А. С. Суворин, В. В. Розанов и другие выдающиеся писатели, критики, журналисты. И сегодня наиболее актуальной задачей для современных ученых-гуманитариев является, на наш взгляд, необходимость дезактивировать левую мифологию во всех областях знания, рассеять либеральный радиоактивный туман вокруг имен защитников русской цивилизации и правдиво отобразить их деятельность.

Заключение

Подводя итоги осмысления темы создания и существования социальных мифов в связи с восприятием М. О. Меньшиковым Н. А. Добролюбова, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, на современном этапе развития литературоведения идет активное переосмысление устоявшихся мифологических подходов к пониманию деятельности критиков-реалистов, прежде всего Н. А. Добролюбова, что свидетельствует о постепенном сдвиге исследовательской парадигмы от советского и либерально-прогрессистского идеологического шаблона в сторону отечественных национальных традиций и ценностей.

Во-вторых, М. О. Меньшиков в течение своего творческого пути стремился противостоять сложившимся в литературной среде леволиберальным мифам. В статье «Путь таланта» он, опираясь на ряд слабых аргументов, стремился по-своему переформатировать радикальный миф о Н. А. Добролюбове, утверждая, что критик имел «много точек прикосновения» с В. П. Бурениным и, если бы скоропостижно не скончался, вслед за настоящими талантами (А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский и др.) должен был, получив жизненный опыт, отказаться от оппозиционного протеста и революционного радикализма.

В-третьих, Меньшиков, как в свое время Ф. М. Достоевский и Н. Н. Страхов, обнаружил в работах Добролюбова о русских писателях доминирование теоретического начала, отсутствие знания реальной жизни, ложные обобщения и склонность к публицистике.

В-четвертых, отход Меньшикова в 1900-1910-е гг. от литературной критики, публицистичность работ, а также слабая доказательная база обусловили его неудачу при попытке понимания сущности творчества Добролюбова и привели к созданию очередного мифа.

Перспективой исследования может стать основанный на традиционном мировоззренческом базисе обширный анализ мифологических представлений о текстах правых и левых авторов русской литературной критики эпохи XX-XXI вв. с выявлением истории создания мифа, его развития и развенчания.

Материалы исследования | Research materials

1. Великий князь Александр Михайлович: книга воспоминаний / предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1978. Т. 18. Статьи и заметки 1845-1861.
3. Крижановский Н. И., Санкова С. М., Алехина Е. В., Шевченко П. А., Дорофеева О. А. Летопись жизни и творчества М. О. Меньшикова: монография. М.: Знание-М, 2022.
4. Меньшиков М. О. Великорусская идея: в 2 т. / сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. 2.

5. Меньшиков М. О. Письма к ближним: полное собрание: в 16 т. / сост., ред. Д. В. Жаворонков. СПб.: Издательство «Машина времени», 2021. Т. 3. 1904 г.
6. Меньшиков М. О. Критические очерки: в 2 т. СПб.: Труд, 1902. Т. 2.
7. Меньшиков М. О. Отклики // Неделя. 1900. № 48.
8. Меньшиков М. О. Письма к ближним. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1911.
9. Меньшиков М. О. Письма к ближним (Открытые двери – Школа борьбы – Рыжие варвары) // Новое время. 1906. 10 декабря.
10. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2.
11. Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVII–XX вв.). М.: Студия «Тритэ», 1993. Вып. IV. М. О. Меньшиков. Материалы к биографии.
12. Страхов Н. Н. Вздых на гробе Карамзина (Письмо в редакцию «Зари») // Карамзин: pro et contra. Личность и творчество Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: антология. СПб.: Изд-во РХГА, 2006.
13. Страхов Н. Н. А. Добролюбов. По поводу первого тома его сочинений // Время. 1862. № 3.

Источники | References

1. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проспект, 2008.
2. Вдовин А. В. Добролюбов: разночинец между духом и плотью. М.: Молодая гвардия, 2017.
3. Вдовин А. В. Концепт «глава литературы» в русской критике 1820–1860-х годов. Tartu: Tartu Ulikool, 2011.
4. Гончарова О. М. Г. Р. Державин в русской радикальной критике XIX ВЕКА // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. № 4 (1). <https://doi.org/10.25991/vrhga.2021.21.4.013>
5. Елизаветина Г. Г. Журнальные отклики 1860-х годов на публикацию «Записок» Г. Р. Державина // Г. Р. Державин: личность, творчество, современное восприятие / отв. ред. Я. Г. Сафиуллин. Казань, 1993.
6. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. Изд-е 3-е, испр. и доп. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2017.
7. Западов В. А. Текстология и идеология (борьба вокруг литературного наследия Г. Р. Державина) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1980. Вып. 4.
8. Зенкин С. Ролан Барт – теоретик и практик мифологии // Барт Р. Мифологии. М.: Академический проспект, 2008.
9. Зорин А. Л. Глагол времен // Зорин А. Л., Зубков Н. Н., Немзер А. С. Свой подвиг совершив: о судьбе произведений Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского. М.: Книга, 1987.
10. История русской литературы XIX века: в 2 т. / под ред. проф. Ф. М. Головенченко и проф. С. М. Петрова. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960. Т. 1.
11. Крижановский Н. И. С искренней заботой об отечестве: публицистика М. О. Меньшикова о развитии воздуплавления // Litera. 2022. № 8. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.8.38569>
12. Кулешов В. И. Русская критика XVIII–XIX веков / сост. В. И. Кулешов. М.: Просвещение, 1978.
13. Тихомиров В. В. Русская литературная критика: теория, история, методология. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010.
14. Трофимова В. Б. Категория «совесть» в литературной критике и философской эссеистике М. О. Меньшикова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 4.
15. Фатеев А. В. Борьба В. В. Розанова за репутации и наследие «литературных изгнанников» // Христианское чтение. 2015. № 3.
16. Черкасов В. А. Державин и его современники глазами Ходасевича: монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009.

Информация об авторах | Author information

Крижановский Николай Игоревич¹, к. филол. н., доц.

¹ Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Nikolay Igorevich Krizhanovsky¹, PhD

¹ Kuban State University, Krasnodar

¹ nicolaykri@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.02.2026 ; опубликовано online (published online): 25.02.2026.

Ключевые слова (keywords): творчество М. О. Меньшикова; проблема социального мифа; восприятие творчества Н. А. Добролюбова; В. П. Буренин; публицистичность критического творчества; works of M. O. Menshikov; problem of social myth; perception of N. A. Dobrolyubov's work; V. P. Burenin; publicistic nature of critical work.